

В.Л. Янин

Я послал тебе бересту...

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.Л. Янин**
Я послал тебе бересту... / В.Л. Янин – М.: Книга по Требованию, 2022. – 462 с.

ISBN 5785900440

В книге, адресованной широкому кругу читателей, интересующихся прошлым нашей страны, рассказана история открытия новгородских берестяных грамот 11-15 вв. Эти документы были обнаружены впервые в 1951 году. Из книги читатель узнает как одна за другой из земли извлекались грамоты, в которых новгородцы, жившие много веков тому назад и, казалось бы, бесследно забытые, писали о своих повседневных заботах, в каждой строке фиксируя то, что никогда не попадало на страницы летописей, актов и церковных книг.

ISBN 5785900440

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Предисловие

В этой книге рассказывается об одном из самых замечательных археологических открытий XX века — находке новгородских берестяных грамот.

Первые десять грамот на берёзовой коре были обнаружены экспедицией профессора Артемия Владимировича Арциховского летом 1951 года. С тех пор прошло сорок пять лет, наполненных активными и волнующими поисками новых грамот, и почти каждому году сопутствовал неизменный успех. В иные годы археологи привозили из Новгорода в своём экспедиционном багаже до шестидесяти-семидесяти берестяных текстов. Сейчас, по окончании полевого сезона 1996 года, когда пишутся эти строки, коллекция новгородских грамот на бересте включает 775 документов.

За сорок пять лет образовалась целая библиотека книг и статей, посвящённых изучению берестяных грамот. Её основу составляет многотомное (вышло уже девять томов) издание грамот с подробными историческими и лингвистическими комментариями. находка берестяных грамот вызвала отклик учёных разных специальностей — историков и языковедов, литературоведов и экономистов, географов и юристов. И в написанных этими учёными книгах и статьях на десятках языков открытие берестяных грамот названо сенсационным.

В самом деле, эта находка имела все основания стать сенсацией. Она открывала почти безграничные возможности познания прошлого в тех отделах исторической науки, где поиски новых видов письменных источников признавались безнадежными.

Издавна историки, занимающиеся исследованием средневековья, завидуют историкам новейшего времени. Круг источников, находящихся в распоряжении исследователя, например, проблем истории XIX века, многообразен и практически неисчерпаем. Официальные государственные акты и мемуары, статистические сборники и газеты, деловая переписка и частные письма, произведения художественной литературы и публицистики, картины и здания, этнографические описания и целый мир дошедших до наших дней предметов материальной культуры — этот обширный комплекс свидетельств способен дать ответ почти на любой вопрос, возникающий перед исследователем.

И львиная доля свидетельств принадлежит здесь слову. Слову — рукописному и напечатанному, размноженному в тысячах экземпляров, стоящему на полках библиотек и архивов. Чем ближе к нашим дням, тем разнообразнее состав исторических источников. Когда в 1877 году постав-

ленная под острие телефонной диафрагмы с припаянной к ней иглой телеграфная лента сказала голосом Эдисона «алло, алло», к слову написанному добавилось слово звучащее, а с изобретением звукового кино движение истории стала фиксировать и говорящая кинолента. Источников по истории новейшего времени так много, что исследователи, каждый из которых не в состоянии познакомиться с ними в полном объёме, ищут способов делать правильные выводы по сравнительно небольшим группам документов или же прибегают к помощи счётно-решающих устройств, постепенно накапливая и классифицируя в них нужную информацию.

Иначе обстоит дело с источниками, позволяющими заглянуть в отдалённые века нашего прошлого. Здесь, чем дальше в глубь столетий, тем меньше письменных свидетельств. Историк, работающий над проблемами русской истории XII–XIV веков, располагает лишь летописями, сохранившимися, как правило, в поздних списках, очень немногими счастливо уцелевшими официальными актами (от всего домонгольского времени до наших дней сохранились лишь четыре таких акта!), памятниками законодательства (тоже в позднейших списках), редчайшими произведениями художественной литературы и каноническими церковными книгами. Собранные вместе, эти письменные источники составят ничтожную долю процента от количества письменных источников XIX века. Ещё меньше письменных свидетельств уцелело от X и XI веков. Малочисленность древнерусских письменных источников — результат одного из страшнейших в деревянной Руси бедствий — частых пожаров, во время которых не однажды выгорали целые города со всеми их богатствами, в том числе и рукописными книгами.

Однако историку средневековья приходится постоянно преодолевать не только трудности, связанные с малочисленностью источников. Эти источники, кроме того, отражают прошлое односторонне. Летописцы совершенно не интересовались многими вещами, волнующими современных историков. Они отмечали лишь те события, которые были для них необычными, не замечая привычной глазу и уху бытовой обстановки, с детства окружавшей их. Медленно развивавшиеся исторические процессы, хорошо видимые только с большого расстояния, проходили мимо их внимания. Зачем записывать то, что известно каждому? Зачем останавливать внимание читателей на том, что знает не только он, но знали его отец и деды? Иное дело — война, смерть князя, выборы епископа, постройка новой церкви, неурожай, наводнение, эпидемия или солнечное затмение.

То же касается и официальных актов. Вот пример. Многие столетия Новгород заключал договор с каждым приглашаемым на его престол князем. Князь целовал крест городу в том, что будет свято блюсти существующий порядок взаимоотношений между собой и боярской властью. Но послушайте, как звучит формула этой присяги: «На сем ти, княже, хрест целовати к всему Новугороду, на чем целовали первии князи,

и дед твой, и отец твой. Новгород ти держати по пошлине, како держал дед твой, и отец твой». «Пошлиной» здесь называется традиционный порядок (как «пошло» с давних пор). И князю, и новгородцам этот порядок был хорошо известен. Его не считали нужным снова и снова излагать в договоре.

Между тем для современного историка важнее всего реконструкция именно той картины, которая каждый день открывалась взору средневекового человека. Его интересует, как жили и о чём думали много веков тому назад люди, принадлежавшие к разным слоям общества. *Каковы были источники их существования? Какие исторические процессы воздействовали на них? Какими были их взаимоотношения? Чем они питались? Как одевались? К чему стремились?*

При попытке ответить на эти и подобные вопросы кое-что удалось сделать с помощью скрупулёзного анализа тех немногочисленных крупниц, которые скупно были рассыпаны по страницам древних рукописей. Однако чаще всего решение проблемы повисало в воздухе из-за недостатка письменных свидетельств. Существовали ли какие-нибудь способы расширить круг письменных источников по истории средневековой Руси? Ещё лет пятьдесят тому назад на такой вопрос ответили бы отрицательно.

Потом за дело взялись археологи. Они расчистили остатки древних жилищ, собрали обломки посуды, изучили остатки древней пищи, узнали, какими приёмами пользовались наши предки при изготовлении оружия и орудий труда, украшений и бытовой утвари. Они восстановили в деталях окружавшую средневекового человека обстановку, чтобы для нас яснее стал он сам, подобно тому, как если бы мы зашли в незнакомый дом и, не застав в нём хозяина, составили представление о нём по его вещам.

Археологические раскопки во многом дополнили летопись, прояснив фон летописного рассказа. Но возможности археологии не беспредельны, и раскопки не оживили человека, не заставили зазвучать его голос, хотя сделали наши представления о нём более правильными. По-прежнему остается справедливой мысль поэта:

Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы на мировом погосте
Звучат лишь Письмена.

Поэтому эффект находки берестяных грамот был потрясающим. Одна за другой из земли извлекались грамоты, в которых люди, умершие пятьсот, шестьсот, семьсот, восемьсот и девятьсот лет тому назад, писали о своих сиюминутных заботах, в каждой строке фиксируя то, что никогда не попадало ни в летописи, ни в акты, ни в церковные книги. И самое важное заключалось в том, что это были не случайные, редкостные находки, а категория массовых вещей, исчисляемых при

раскопках десятками и сотнями. Архив ценнейших исторических сведений, записанных самими средневековыми людьми, оказался лежащим под ногами современных людей, под асфальтом и газонами ныне существующего большого города.

Публикуя первые десять грамот, А. В. Арциховский писал: «Чем больше будут раскопки, тем больше они дадут драгоценных свитков берёзовой коры, которые, смею думать, станут такими же источниками для истории Новгорода Великого, какими для истории эллинистического и римского Египта являются папирусы». Сейчас, когда число берестяных грамот приближается к восьмистам, особенно хорошо можно оценить эти слова.

Важно и то, что берестяные грамоты найдены именно в Новгороде — городе Александра Невского, Садка и Василия Буслаева. Новгород был одним из крупнейших центров древней Руси, отличаясь тремя ещё не до конца изученными особенностями. Он не был монархией, княжеством, каким были Киев, Владимир или Москва, а был вечевой республикой. Новгород был теснейшим образом связан с главными центрами международной торговли и сам был одним из таких центров. И, наконец, в отличие от большинства древнерусских столиц, он был центром громадной округи, где городская жизнь почти полностью сосредоточивалась в самом Новгороде. Все эти особенности нуждались в тщательном изучении, которое до находки берестяных грамот было чрезвычайно сложным.

Сенсационным было и само повторяющееся с каждой новой находкой берестяной грамоты чудо конкретно-исторического открытия, одно из самых поразительных чудес человеческого познания. Через много веков мы первыми знакомимся с людьми, память о которых полностью истреблена временем спустя какое-нибудь столетие после их смерти. На протяжении многих веков ни один человек на Земле не знал о них, прошедших по жизни, казалось бы, без следа. И вот теперь мы слышим голоса этих людей, вникаем в их заботы, видим их перед собой.

В истории Новгородской экспедиции годы открытия берестяных грамот были самыми волнующими. Эти годы сформировали коллектив исследователей, для которых получение берестяных писем из других веков стало обычным делом, сохранив при этом всю остроту первооткрытия. Этот коллектив не стареет, пополняясь молодыми исследователями. И если они имеют все основания завидовать тем, кому довелось когда-то первыми держать в своих руках исписанный берестяной лист, то и мне — участнику экспедиции 1951 года — приходится завидовать тому, кто с таким же волнением возьмет в руки тысячную берестяную грамоту.

После второго издания этой книги прошло более двадцати лет. В середине 80-х годов в изучении грамот наступил новый этап — с приходом в экспедицию Андрея Анатольевича Зализняка возник творческий союз историков, археологов и лингвистов, результатом которого стало новое, более точное прочтение многих найденных ранее и на-

ходимых вновь текстов. Возникли и новые проблемы, порождённые открытиями последних лет. Рассказ о берестяных грамотах нуждается в продолжении, которое читатель найдет в новых главах. Дистанция времени, на протяжении которого создавалась и издавалась эта книга, наложила на неё свой отпечаток, ведя автора от эйфории открытия в первых частях к сложным проблемам последних её разделов.

1997, май

В этой книге, приводя тексты берестяных грамот, я воспроизвожу их современными буквами, с разделением на слова, со знаками препинания, заглавными буквами и т. д. Подлинные тексты выглядят не совсем так. В них встречаются буквы, которых мы ныне не употребляем (ять, омега, фита, юс малый, юс большой, йотованные е и а и другие), в них нет деления на слова; знаки препинания, если они и есть, то совсем другие; нет заглавных букв и т. д. Но этими деталями занимается специальная наука — филология; если вы захотите увидеть текст грамот во всей их точности и сложности, то должны взять в руки их издания, список которых помещён в конце книги.

Часть 1
Неревская эпопея
1951–1962, 1969 годы

Новгород, 1956 г., фото С. Бочарова

Глава 1

Новгород, Дмитриевская улица, раскопки...

В течение двенадцати лет почтовым адресом Новгородской экспедиции Академии наук и Московского университета было: «Новгород, Дмитриевская улица, археологические раскопки...»

Сейчас это место легко найти. Квартал, ограниченный улицами Великой (Дмитриевской), Розважей, Тихвинской и Декабристов, застроен многоэтажными домами. Издалека видно стоящее на углу Розважей и Великой здание универсального магазина. Начинаясь почти от самого места раскопок, над Волховом повис мощный стальной мост.

А в 1951 году, когда мы размечали сетку будущего раскопа, здесь был пустырь, заросший бузиной и лопухами. Из бурьяна торчали ржавые обрывки искорёженной арматуры, трава кое-где пробивалась сквозь сплошные завалы кирпичной щебёнки, которая покрывала пустырь, оставленный фашистскими факельщиками на месте цветущего города. Шёл седьмой послевоенный год. Новгород с трудом поднимался из руин, разравнивая и застраивая пожарища. Но уже видны были контуры будущего города. Росли не только новые здания, но и темпы нового строительства. Нужно было спешить и археологам, чтобы до прихода строителей взять от древнего города всё, что может уничтожить Новгород современный.

Так и повелось: экспедиция разбивала новые раскопы, а на старых, полностью исчерпанных, уже поднимались дома.

Разумеется, когда мы забивали первые колышки, размечая раскоп, никто из нас не думал, что с этим раскопом будут связаны двенадцать лет жизни и работы, что небольшой участок, который решено было здесь раскопать, раздвинет свои пределы на всю площадь квартала. Правда, каждый из нас был уверен, что великие открытия ожидают нас именно здесь, на этом пустыре. Без такой уверенности не следует начинать экспедицию, потому что только энтузиазм рождает успех.

Как выбирается место для раскопок? Известно ли заранее, что будет найдено на новом месте? Конечно, никто не может до раскопок сказать, какие именно здесь откроются шедевры искусства или невиданные древние предметы. Археологии всегда свойствен азарт. Но из этого не следует, что археологи приходят на

Начало раскопок на Дмитриевской улице. Снимок сделан за две недели до открытия берестяных грамот

новое место с завязанными глазами, испытывая ишь свою удачливость. У каждой экспедиции имеется научная задача, одним из важнейших условий успешного решения которой бывает правильный, всесторонне обоснованный выбор места раскопок.

Главной задачей Новгородской экспедиции в 1951 году было изучение типичного для средневекового Новгорода жилого района. Археологам предстояло изучить городскую усадьбу, выяснить её планировку, назначение различных типов построек, проследить историю усадьбы на протяжении возможно длительного времени. Кроме того, необходимо было собрать коллекцию характерных для новгородского слоя древних вещей и установить по возможности точные даты этих типичных предметов, чтобы в дальнейшем с их помощью датировать слои в будущих раскопках.

До начала раскопок было хорошо известно, что планировка средневекового Новгорода существенно отличалась от современной. Нынешняя прямоугольная сетка улиц была заведена только в последней четверти XVIII века, при Екатерине II, когда многие русские губернские и уездные города перекраивались на петербургский манер. Наш квартал и ограничивающие его улицы